

Олег Мироненко

Из жизни инопланетян
Цивилизация

Сборники рассказов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Мироненко
Из жизни инопланетян.
Цивилизация.
Сборники рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41758437
SelfPub; 2019*

Аннотация

Книга включает в себя два сборника рассказов. Некоторые из них могут показаться издевательски короткими, некоторые – слишком мрачными, некоторые – просто странными... Но они про нашу жизнь. И мире, в котором мы живём. Хорошо, в общем-то, мире. Если не вдаваться в частности. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Из жизни инопланетян	4
Двери	4
Контакт	10
Редкозубый Пилорыл	19
Гуд бай, Америка...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Из жизни инопланетян

Двери

Супермаркет жил своей обычной суетой, пока парадные двери вдруг не закрылись наглухо. Они были самораздвижные, с хитро напичканной электроникой. Проблемы с ними возникали и до этого; приходил один и тот же хмурый дядька, доставал инструмент и, что-то бурча себе под не первой свежести нос, приводил электронику в порядок. Правда, такого, чтобы двери вообще не реагировали на вмешательство людей (пусть и некомпетентных), еще не было; а тут, перед самым часом пик, всем сотрудникам магазина, вместе с не успевшими исчезнуть главным администратором и директором, пришлось извиняться перед покупателями, отнимать у них товар и выводить всех по одному через складские помещения. Срочно был вызван специалист, который вскоре и приехал. Это был другой специалист, молодой и развязный; впрочем, никому не было никакого дела, кто там приехал. Этот другой явно не собирался здесь долго задерживаться, однако после сорока минут бесполезных манипуляций стал подавать первые признаки беспокойства, а еще через пятнадцать минут достал сотовый и стал кому-то названивать. Подошедший директор услышала следующее:

– Алло, Викторovich? Кто у нас там последний выезжал на Минскую? Ну да, да – супермаркет... Гаврилов? А он где? Язву лечит? Из запоя, что ли, выходит? Слушай, я тут ни черта понять не могу, все вроде бы в норме, а двери наглухо... Ладно, пусть я тупой, лишай меня премии, только давай сюда кого-нибудь поумней, люди в магазин зайти не могут.

Магазином заправляла женщина лет за тридцать, с несколько огрубелыми для ее возраста чертами лица. По натуре стеснительная и деликатная, она была вынуждена скрывать эти вредные для ее должности качества намеренно грубым обращением с окружающими. Со стороны порой выглядело несколько странно, когда она, спокойно и даже доверительно беседуя с продавщицами, вдруг ни с того ни с сего будто срывалась с цепи и начинала на них орать, насколько позволяла прокуренная глотка. Подслушав вышеизложенный телефонный разговор, она подошла к специалисту и спросила:

– Вы когда двери почините? Вы понимаете, что сейчас самый наплыв покупателей? Мы вам за что деньги, в конце концов, платим? Кто будет убытки возмещать? Вы?!

К концу тирады она изрядно завелась, и в голосе её появились неприятные визгливые интонации. Специалист, несмотря ни на что, не потерявший своей развязности, тоже решил не сдерживать накопившихся эмоций и ответил в тон:

– Вы что на меня орёте, гражданочка? Я сегодня за день так набегался, что мне никакой радости торчать тут с вами

нет. Ну, не понимаю я, что за фигня с вашими дверями, когда вы столько нагрешить успели, что они народ к вам не пускают! Сейчас приедет более опытный мастер, разберёмся.

После полученного отпора в директорше проснулась врожденная деликатность, и она отошла от молодого человека, правда, тут же наорав на подвернувшегося под руку охранника.

Действительно, довольно скоро прибыл обещанный опытный мастер, усталый и злой, и дверям была устроена настоящая экзекуция. Их раздвигали вручную, пытаясь оставить в открытом положении, пробовали все режимы, что-то замеряли, меняли и снова замеряли – все было бесполезно. Наконец, их в очередной раз насильно раздвинули и вставили между половинками кусок доски, а на самих дверях появилось объявление: «Осторожно! Не запнитесь о порожек!»

С тем специалисты и уехали ввиду позднего времени, обещав вернуться завтра с утра пораньше. Наутро часам к девяти подъехала целая бригада из 4-х человек, у каждого по большой сумке в руке. Круглосуточный магазин снова пришлось закрыть, возле него начали толпиться зеваки, наблюдая за сложными действиями ремонтников, которые, никого не стесняясь, вовсю матерились после очередной неудачной попытки заставить двери работать. К десяти подъехал сам хозяин магазина, крупный мужчина со стрижкой «ежик», обсудил что-то сначала с директором, затем с интересом понаблюдал за судорожными перемещениями специалистов, по-

сле чего, наконец, позволил себе выговориться:

– Что, ребятки, не получается? Что-что? Хреновина какая-то? Никогда такого раньше не было? Вы мне только про восстание машин ничего не говорите, ладно? В общем, так! Если через два часа магазин не будет работать, как ему положено, мало никому не покажется! Всю вашу контору на уши поставлю!

Затем он хлопнул дверью «Volvo» и уехал. Ребятки закурили и призадумались. Наконец один из них сказал:

– Слышь, может... того... Гаврилова сюда подвезти? А ну он секрет какой знает? Да что толку по телефону ему звонить, он двух слов связать не может! В какой он там больнице лежит?

Ввиду полной безысходности предложение было принято. Через час привезли отвоёванного за литр коньяка Гаврилова, высокого сутулого мужчину с никогда не улыбающимися глазами и крупным с прожилками носом. По дороге он, видимо, успел переругаться со всеми, потому что вид у него был свирепый, а с носа на усы скатывались крупные капли пота. Не обращая внимания на насмешки зевак («Гляди-ка, никак самый главный прибыл!»), он поднялся по ступенькам, подошел к дверям и... они разъехались в стороны. В толпе кто-то ахнул, кто-то засмеялся, а кто-то даже зааплодировал. Гаврилов прошел внутрь и, крайне раздраженно что-то бурча под нос, несколько минут щелкал тумблера, жал кнопки режимов, мял в руках провода. Двери послушно от-

крывались и закрывались; и черт его знает, как и почему, но многим казалось, что проделывали они все это с... удовольствием, что ли, легко и бесшумно. Гаврилов, ожидая некоего подвоха со стороны коллег, еще немного потоптался у дверей, затем пожал плечами и стал спускаться к машине. Коллеги же, ощущая себя полными идиотами, по одному подходили к дверям, проходили внутрь, выходили обратно, не обмениваясь никакими репликами и мечтая только об одном: как можно скорее убраться отсюда.

Инцидент вскоре получил довольно широкую огласку, благо свидетелей хватало. Местная пресса подала все это без особой изюминки, как-то очень уж скучновато, зато в одном из не самых последних по значимости и читаемости центральных изданий вскоре появилась прелюбопытнейшая статья, автор которой утверждал, что любовь – это не только взаимодействие между биополями, но также и между био– и электромагнитными полями; и что не так уж редки случаи, когда эти поля полностью совпадают по своим параметрам. Выходило, что двери просто–напросто ... влюбились в Гаврилова, ну, не влюбились, а, скажем, как говорилось в статье, оказались с ним на одном энергетическом уровне (на том самом уровне взаимного проникновения, от которого людей корежит и они творят черт знает что), соскучились и сами устроили себе свидание. Было еще много чего интересного в этой статье, например, о единстве и гармонии во Вселенной; впрочем, желающие могут прочитать ее сами: называ-

ется она «Неживая любовь» и наверняка есть в Интернете. Гаврилов газет не читал, Интернетом не пользовался, телевизор не смотрел, а слушал радиоприемник. Больше всего ему нравилась радиостанция «Эхо Москвы», хотя, как всякий истинный русский пьющий человек, евреев он недолюбливал. После той истории его никоим образом не корежило, а когда по телефону солидный голос предложил ему приехать в Москву и пройти обследование, то голос был послан куда подальше. Гаврилов за всю свою жизнь любил только две вещи: покой и одиночество, а возникающую вдруг ниоткуда тягу к чужим биополям глушил водкой. Хотя иногда, приговаривая бутылку, он вдруг упирался взглядом в пустоту, долго шевелил губами и, наконец, невнятно бормотал: «Вот ведь насекомое-то, а...»

Двери вскоре пришлось заменить.

Контакт

Сколько всего уже было понаписано про встречу с пришельцами из космоса, сколько воображения затрачено, неясных фактов обсосано, хитроумных гипотез выдвинуто – и всё оказалось не то, не то... А правда – вот она, правда. Голая да немая.

Последние несколько лет, в связи с крутыми переменами в моей жизни, я проводил значительную часть времени в компании сильно пьющих людей. Нет, официальным бомжом я не был – квартиру моя бывшая у меня так и не отсудила, но вывезла оттуда всё, оставив лишь расцарапанные стены и покорёженный в бессильной злобе линолеум, так что нахождение в обители моих рухнувших надежд давалось мне с большим трудом, и неделями, а то и месяцами, я ночевал где придётся, вплоть до гаражей с подвалами. Коммунальные услуги мною не оплачивались, бумаги с призывами к совести и угрозами обращения в судебные инстанции игнорировались. Сначала меня это волновало, даже сильно, потом не так сильно, потом стало просто на всё наплевать. Эстетика беспробудного пьянства, с муками махрового похмелья, низводящими тебя до уровня слизня, и последующий переход сначала в животное состояние, а потом и в бездонные глубины хмельного прозрения космического гуманоида захватила меня полностью. Русские горки. Кайф самоуничтожения

и цикличность возрождения. Суровые мужчины, продирающиеся сквозь паутину слов к самому главному – увидеть себя изнутри, вывернув наизнанку. Я не помню уже точно, на какой именно стадии я впервые встретил этого алкаша, скорее всего, мне было не так чтобы хорошо, но и не очень плохо, поэтому знакомство в памяти не отложилось. Но, так или иначе, мы стали встречаться в неких точках наших изломанных судеб, и как-то в припадке моей хмельной ностальгии даже оказались вдвоём у меня на квартире, с бутылкой пойла и сковородкой пережаренной (от недостатка внимания) картошки на закуску. Тогда-то всё и началось.

Он называл себя Плинтусом. Я отнёсся к этому с пониманием, усматривая в этом даже некий установочный смысл. Сам я давно уже откликался на «Костика» – времена Константина Сергеевича безвозвратно, как мне казалось, канули в прошлое. Мы с ним быстренько нажрались, игнорируя картошку, и мне стало скучно и грустно. Общаясь с Плинтусом один на один, я классифицировал его как серенькую личность с донельзя усреднёнными понятиями из областей логического естествознания, о чём и не преминул ему сообщить.

– А вы, сударь, оказывается, большой пошляк, – так и влепил ему я в лицо. В нашем кругу неординарных в своей непонятости личностей это считалось большим оскорблением. Он опустил голову – кажется, обиделся, и просидел так несколько минут. Я готовился к взрыву чувств. Он, однако,

поднял на меня глаза, и с особым пропитым надрывом в голосе сказал:

– Хрен с ним, пусть накидывают... Не могу я больше. Тошно мне. А ты знаешь, Костик, я ведь, выражаясь вашим языком, инопланетянин.

Я поморщился, не услышав ничего оригинально, и выпил. Потом посмотрел на него. Серенький потасканный мужичок, рост средний, телосложение среднее, черты лица средне-приятные, глаза неопределённо-пустые, одет в вонючий китайский ширтотреб.

– Все мы здесь инопланетяне, Плинтус, – закурив и обдав его дымом, неохотно вошёл я в русло предложенной темы.

– Да нет, ты не понял. Я серьёзно. Я здесь у вас в ссылке нахожусь.

Голос его звучал почти жалобно, он очень хотел, чтобы я ему поверил.

– Угу. – Я затушил сигарету о ненавистный линолеум. – Пошли-ка прогуляемся, тошно мне здесь как-то.

– Ладно. Я ведь и доказать могу, хотя ничего хорошего мне от этого не светит, а светит лишь новый срок.

– Ты, урка вшивый, – не выдержав, взорвался я. – Ты чё мне буровишь, падла? Какой ты на хрен инопланетянин, говно залежалое?

Он вздохнул. Потом сходил на кухню, принёс грязный стакан с водой из-под крана и сунул его мне под нос.

– Глотни-ка.

Всё ещё трясясь, я вырвал у него стакан, отхлебнул и сплюнул.

– Аш-два-О, тёплая и противная. А сейчас, извините, я вас буду бить.

Моя пьяная злость искала выход, и, приняв его предложение испить из стакана, я развязал себе руки.

– Подожди минутку, Костик, это всегда успеется.

Он снова забрал у меня стакан, зажмурился и несколько раз провёл над ним грязной в порезах ладонью. Мне вдруг показалось, что из ладони струится голубоватое сияние.

– Пробуй-ка теперь, – тихо произнёс он, снова протягивая мне стакан.

В некоторой прострации я взял его, несколько озадаченно отпил и тут же закашлялся. Спирт, чистейший спирт!

– Что за фокусы, Плинтус? – просипел я, отдышавшись. – Я ведь себе всё горло сжёг.

– Ты убедился?

– В чём? В твоих навыках рукоблудия? Где у тебя запрятана фляжка?

Он осунулся, виновато пожал плечами, потом сказал:

– Ты прекрасно знаешь, что нет у меня никакой фляжки. А есть лишние три года за эту, как бы вы сказали, алхимию. Костик, ты посиди минутку, осмысли происходящее.

Стакан с остатками спирта стоял на полу у моих ног, я поднял его и принюхался. Потом подумал. Потом опять принюхался. Потом аккуратно выпил спирт, быстренько закурил

и начал думать.

Огонь пробежал по жилам, мысли просветлели.

– Ещё как можешь доказать? – решил сменить я праведный гнев на пьяную милость. После спирта привычная реальность начала расслаиваться. Я был готов ко всему.

Он забормотал:

– Я много чего могу, недоступного вам, но, понимаешь... мой срок и так уже приближается к критическому, и... Ну ладно, ещё разок. Продемонстрирую.

Он вдруг воспарил. Буквально, как сидел на полу в позе лотоса, так и воспарил, ещё и руки на груди сложил для пущей убедительности. Я пьяно моргал глазами. Остаток вечера прошёл в уверениях дружбы до гроба и какой-то бессмысленной суете.

Утром я проснулся на полу, передо мной стоял старый пластмассовый тазик. Я принял, затем сунул в него палец и облизал. «Вода... А какого хрена я туда, собственно, палец-то сую?» Обрывки обрётённого давеча тайного знания давили на голову, но казались чушью несусветной. «Вот дали вчера... Надо всё-таки сейчас ему рожу набить. Чтобы не умничал»

Плентус валялся на кухне. Тощенький, серенький, неприкаянный. Вдруг в сознании всплыло: «Понимаешь, на самом деле я другой, совсем другой, а тут выгляжу как человек из определённой социальной группы, в качестве наказания, значит. Мог бы быть и президентом, если бы не сильно на-

косячил, а мог бы и в одиночке до конца дней сидеть, если бы совсем сильно... Почему Россия? Ну, у нас так заведено: за преступления в сфере управления полагается ссылка именно в Россию. Я ведь просителю вселил ложные надежды, случайно так вышло, вот меня и угораздило. Как живу? А каждый день у меня в кармане с утра пять тысяч появляется, Вселенная так запрограммирована, не важно, что на мне одето, Костик, совсем не важно»

Я пошарил у него по карманам и обнаружил в донельзя грязных джинсах пятитысячную купюру. «Во, блин...» Голова закружилась.

– А ну, вставай, чмо инопланетное! – заорал я в бессильном томлении. – Опохмеляться будем!

...Мы пили пиво, глодали рыбу и до поры до времени молчали. Разговор начал я:

– На чём мы вчера остановились?

Вера моя снова окрепла.

– Ты обещать помог, – уныло ответил Плинтус. Ему было гораздо хуже, чем мне, и я всё ждал, когда он побежит блевать.

– Слушай, – спросил я. – Тебя кто здесь Плинтусом-то прозвал, а?

– Да я сам себя и прозвал. Это немного напоминает мне моё прежнее имя. Вот, послушай...

И он изобразил голосом и губами нечто запредельно-птичье, от чего у меня сразу заломило виски, а потом вывернуло

наизнанку в стоящий рядом тазик.

– Прости, – пристыжено взирал он на меня. – Я не должен был подвергать тебя воздействию этих звуков...

– Так ты считаешь, что они похожи на наше слово «плинтус»? – всё ещё борясь с тошнотой, тупо осведомился я.

– Да, для меня здесь прослеживается очевидное сходство.

В силу каких-то необъяснимых, иррациональных причин эта последняя его фраза окончательно убедила меня в том, что он действительно визитёр из другого мира, а не плод моих пьяных галлюцинаций.

– Так чем я тебе могу помочь-то? Ни хрена ведь не помню...

... Оказалось, я могу взять на себя его вину. Он произвёл кое-какие операции с моими тонкими телами и выяснил, что в следующей своей жизни я должен буду занять другой качественный уровень бытия, в кармическом плане вполне достаточный, чтобы позволить искупить его нынешние прегрешения. Иначе он здесь пропадёт, он чувствует, что скоро сломается. Если я на это соглашусь, то он сможет вернуться в свой мир, а я в следующей своей жизни буду, скорее всего, уже... собакой. Пойду, так сказать, на понижение. Он ничего от меня не ждёт. Он понимает, как это трудно. Взамен он может только поведать мне о причинно-следственных связях между высшими и низшими мирами, а также научить способам улучшения своей кармы. Если я буду настойчиво работать, то в следующей жизни я снова могу стать человеком,

а учитывая характер возможной принесённой мною сейчас жертвы, у меня даже будут все шансы стать великим.

Я слушал его и потягивал пиво. Работать над собой мне не хотелось совершенно. «Сволочь», – думал я. – «Вот навязался». Вслух же я только сказал:

– Повезло тебе всё-таки, что в Россию сослали... Хрен бы этот номер в Америке или там Голландии прошёл.

Глаза его радостно вспыхнули:

– Так ты согласен, Костик?

– Своих не бросаем, – пафосно бросил я в ответ набившую за последнее время оскомину дежурную журналистскую фразу.

– Так я же того... не свой.

– Да свой ты теперь, Плинтус. В доску свой. Скажи-ка, а собакой я что-нибудь о себе любимом буду помнить? На том уровне? Нет? Ладно, валяй, рассказывай мне всю эту муть эзотерическую, там разберёмся.

... Я открыл глаза. Плинтус исчез. Я вспомнил, как он сосредоточенно шевелил губами, пытаясь определить предел оставшихся у него возможностей с учётом их распыления на пьянку, алхимию и левитацию, высчитывал оставшийся срок, несколько раз начинал выть и биться головой о стену, но потом взял в себя в руки и, наконец, просветлел. Всё сошлось у него тютелька в тютельку. Я к тому времени уже до предела накачался алкоголем и мог лишь пьяненько улыбаться, когда он выставил вперёд свои немытые ладони, и от

них потянулись ко мне голубые змейки...

Я открыл последнюю бутылку пива, отхлебнул и, пошатываясь, вышел во двор, намереваясь пополнить запасы. По двору бегали собаки, с хозяевами и без, решая свои собачьи дела. Я долго смотрел на них. Потом вылил пиво на грязный снег. «Надо бы чем-нибудь другим заняться, – вяло подумал я. – Но для начала не мешало бы проспать».

Мне вдруг отчаянно захотелось остаться человеком.

Редкозубый Пилорыл

Фамилия у него была Рылов, ну, и погоняло соответственное – Рыло. Потом какой-то там умник где-то вычитал или подсмотрел про класс пилорылых, и он тут же стал ещё и Пилой, а в некоторые с кровавым привкусом официальные моменты и Пилорылом. А ещё, нервничая, что случалось частенько, он имел некрасивую привычку покусывать кулак, и однажды по этому кулаку ударили так, что тот провалился прямо ему в рот, снеся сколько-то там зубов по пути, не говоря уже о муках нахождения у самого горла скрюченной пятерни, пока её наконец не вытащили обратно, опять-таки что-то там надломив... Так окончательно он и обрёл свою грандиозную кликуху – Редкозубый Пилорыл, он же Зуб, он же Пила, он же Рыло – в зависимости от ситуации и настроения окружающих его мучителей-друзков.

Жилось ему, в общем-то, не очень сладко – помимо вынужденного редкозубья обладал он ещё исключительной лопоухостью и кривым, сломанным ещё в далёком-далёком детстве носом. Глаза, у него, правда, были замечательные: синие, с бирюзовым отливом, и иногда в них плескалось море, а иногда и целый океан. Но в глаза ему никто не смотрел, и он тоже в глаза никому не заглядывал – сразу можно было нарваться на приключение. Жил он с матерью, не бедно и не богато, не голодал – это уж точно, и одет-обут всегда был по

сезону. Мать частенько в одиночку дегустировала спиртосодержащие напитки и тогда жалела и себя, и своего лопоухого сына, плода неудачного и даже оскорбительного для её памяти романа. Любила ли она его? Любила, наверное... А он стеснялся и себя, и её. Но тоже, наверное, любил.

А вот людей он боялся. Боялся учителей, ставящих ему «тройки», хотя к урокам он всегда был готов – его просто не слушали. Боялся девочек, презрительно косивших глаза в его сторону, когда он оказывался рядом. Боялся одноклассников, безжалостно тюкавших его. Боялся посторонних мужчин и женщин, потому что, от природы наблюдательный и уязвимый, ощущал себя в их присутствии неким зверьком, которого в любой момент могли то ли погладить, то ли пнуть. И, кроме страха, жило ещё в нём и постоянное ожидание чего-то. Чего? Эх, кабы знать...

Читать он любил – компьютер маманя потянуть ну никак уже не могла. И вот, классе в десятом, попалась ему в руки некая эзотерическая книжка, из которой он узнал, что согласно учению древних индийцев, все числа – от одного до девяти – соответствовали степени развития материи и связи её со Вселенной. Так, выходило, что 1 – это камни там, минералы всякие; 2 – растения всевозможные; 3 – животные самые разные; 4 – это уже человек, это его крестное число (видите, как палочки пересекаются?) Ну, а 5 – это ангелы, а про остальные числа ведают уже только избранные: рангом не ниже ангелов, значит. Крепко засела эта квалификация в

голове и душе Редкозубого, книгу он в библиотеку тогда не сдал и постоянно перечитывал, пока окончательно не уяснил для себя, что он-то уж точно – человек, свой крест несущий, а те, кто кидают в него камни – камни и есть, кто стегает его крапивой – крапива и есть, кто кусает его со злобой – собаки и есть. И не то, чтобы жить после этого ему как-то разом легче стало – нет, но вот ожидание чего-то усилилось прямо-таки до зуда в душе. И сбылось – встретил он ангела. Это была новенькая из их класса, вся в рыжих конопушках, нос кнопкой – смотреть не на что, но вот глаза... В них плескалась синева, которую до него никто не замечал, а он взял, да и заметил. И она, подсмотрев море-океан в его окольцованной душе, вдруг взяла да и поцеловала его. В нос. А потом и в дрожащие губы. И разом пропал страх у Пилорыла. И окружали его теперь не камни с гадюками, а такие же люди, как и он, и дело-то, оказывается, в нём было, а не в них. И действительно, как-то скоро после этого перестали вдруг называть его и Пилой, и Рылом, а всё больше Редким – ничего так себе кликуха... Но его ангелу это тоже не нравилось, и она частенько сердито выговаривала ему: «Ты Саша, понял? Саша, Сашенька, Сашуля – и никто больше!» Что ж, у ангелов своя правда. А потом... она умерла. Пьяный водитель, свой крест несущий, оборвал её командировку на Земле. И всё. Разом высох океан. Пришёл он домой, лёг в холодную постель и замер, боясь пошевелиться, цепenea всё больше и больше. Так и застыл к утру, превратившись в камень. И

тенью билось над ним нечто, создающее ветер, шепчущий:
«Саша, Сашенька, Сашюля...»

Гуд бай, Америка...

– Эй, шпана, у вас два часа! Деньги где?

Это резвился Виталик – гитарист, вокалист и барыга первостатейный. За два часа репетиции – три рубля! Нехилая схема. (Вся эта байда, о которой я рассказываю, случилась со мной в конце восьмидесятых, а три рубля тогда были деньги. Как и рубль.) Впрочем, волны возмущения затухли где-то внутри, снаружи мы вольности себе не позволяли. Ансамбль был вотчиной старшеклассников, и хотя формально мы имели право на репетиции без денежных махинаций, на деле приходилось скидываться. И не жужжать. Иначе нас могли бы подвергнуть остракизму и отлучить от самозабвенного брэнчания и стучания на полурасстроенных инструментах. Rock'n'Roll требовал жертв.

Я запиливал соло и иногда орал в микрофон. «Ионику» старшие товарищи от нас благоразумно прятали, и поэтому Игорьку приходилось лабать на стоящем в актовом зале пианино, а когда остальные в целях экономии времени репетировали в каморке, Игорёк наяживал на сцене один, прислушиваясь к смутным звукам за спиной. Да, мы были сыгранной командой... За ударными восседал Валерка, на ритм-гитаре боролся с гармонией Гоша, он же и пел высоким и довольно мерзким, на мой взгляд, голоском. Басуху терзал Димон.

На этот раз инструменты были вытащены на сцену: старшие товарищи готовились к новогодним торжествам. Для педагогов в качестве сюрприза готовились вещи из «Битлз», «Пинк Флойд», «Чай-Ф» и «Нау». Предполагалось, что все будут пищать от восторга. Нас в праздничном концерте не значило, и только из любви к альтернативному искусству мы с максимальной завуалированностью пытались воспроизвести нетленки «Дип Пёрпл» и «Роллинг Стоунз», а также состряпать нечто своё. Звучание наше можно было охарактеризовать как гараж-нойз-отстой-рок. Надо ли говорить о том, что мы были счастливы.

– О, пацаны, зацените-ка!

Гоша выдал на гитаре четыре аккорда, один из которых сразу привлекал внимание своей корявостью.

– По-моему, не плохой рок'н'рольчик, а ?

– Мажорный! – поднял вверх палец Игорёк. Он ещё не так давно посещал музыкальную школу и мог позволить себе нести всякую хрень.

Какое-то время все сосредоточенно пытались убедить себя и других, что предложенная тема действительно цепляет, потом надоело.

– Не, давайте старенькое что-нибудь сообразим... Над этим потом подумаем.

Началась обычная вакханалия, нормальный ход которой был вдруг нарушен Димоном:

– Мужики, авария! Струна полетела.

– Чего?

Музыкальная какофония прекратилась, и началась словесная.

– Ты как умудрился басуху раздеть, дурила? В первый раз такое вижу!

– Димон, тебе же сто раз говорили: пальчиками лабай, пальчиками, а не три сдуру медиатором! Где новую струну-то брать прикажешь, а? Нас же теперь совсем разуют!

Димон вращал наглыми глазёнками и уверенно отбрехивался, пока случайно не поймал в поле зрения пианино.

– Мужики, идея! Давайте из этого ящика струну приспособим. Всё равно хлам – струной больше, струной меньше...

Игорёк потерял дар речи, потом выдохнул:

– Варвар...

Но Димон и Валерка, загоревшись идеей, уже почти было приступили к акту вандализма, как с нами поздоровались:

– Привет, мальчики!

Светка лучезарно улыбалась, такая же загорелая, как и в сентябре. Димон немедленно отложил задуманное, вразвалочку подкатил к ней, чмокнул в щёку:

– Привет, радость моя! Отсидела своё?

– Угу. Проводишь?

Я же, с гитарой наперевес, приблизился к Наташке, но поцеловать не решился:

– Привет! Как дела?

– Нормально... Вы всё страдаете, меломаны?

– Да так... Слышь, Наташ, если из пианино струну на бас-гитару переставить – получится что-нибудь?

Наташа вздрогнула. Она сама неплохо играла на пианино. И, кроме того, была умницей.

– Совсем что ли? Только инструмент зря изуродуете...

– Ага, я так и думал. Да не смотри ты на меня так, не моя это идея. идея. Ну правда ...

Сдать Димона было не зазорно.

Наташа училась в параллельном классе и вроде бы как была моей девушкой, что служило для меня источником сильнейших переживаний. Дело в том, что я никак не мог её поцеловать. По-настоящему, а не просто чмокнуть в щёку. При этом с ней всё было в порядке – оглядываясь назад, я понимаю, как она была хороша в своём безудержном порыве женственности. Зелёные глаза, ямочки на щеках, чуть вздёрнутый носик, застенчивая улыбка, грудь, рвущаяся из школьной формы... Проблема была во мне. Я рисовал её ежеминутно с собой наедине, но когда она находилась рядом и, безусловно, чего-то ждала, мои губы вдруг становились деревянными, и всё, на что я был способен, так это только тупо уткнуться губами и носом ей в щёчку, или – случайно – в шею. Я понимаю теперь, что это была заторможенность от переизбытка желания (крайности всегда находятся где-то рядом), но тогда анализ ситуации вряд ли бы помог мне в борьбе с комплексами переходного возраста. Но одна мысль у меня всё же была.

– Ты на Новый год с нами? – осведомился я у своей нецелованной подруги.

– Ой, Костик, извини, родители едут в Челябинск, ну, и я тоже... – Она посмотрела на меня виновато. – Там у меня три брата двоюродных, а я их совсем не помню. Старый год вместе встретим, ладно?

Я расстроился. Мой план на Новый год состоял в том, чтобы расслабиться под действием спиртного и показать себя мужчиной. Для осуществления этой, как мне казалось, последней надежды, в наличии уже имелись и квартира для вечеринки, и бухло. Встреча же Старого года явно мне ничего в этом плане не сулила.

– Домой? Пойдём. Так, и когда отбываешь?

... Я готовился пойти на party. Признаться, я дружил со спортом, и спиртным не баловался. Ну, пиво как-то попробовал – не понравилось. И всё. Но на этот раз в целях борьбы со стрессом я, ввиду отсутствия подруги, решил пить наравне со всеми: оторвусь на полную, а там – будь что будет. Может, мозги на место встанут.

Родители уже ушли в свою кампанию. Я достал бутылку со спиртным, понюхал. Пахло сивухой. В стране властвовал сухой закон, выдуманный непьющим придурком, и легальной продукцией мне разжиться не удалось ввиду отсутствия призывного возраста и денег. Да и отношения с предками были ни к чёрту. Поэтому я задействовал давнюю знакомую матери, тётю Марину, и выцыганил у неё бутылку самогона.

«Крепкий, не обожгитесь...», – напутствовала она меня на прощание. Да ладно.

Разодетый в безвкусные импортные шмотки, которые иногда завозились в военторг (обитали мы в городке, вдали от «фарцы» и прочих изысков «совковой» цивилизации), с самогонкой под мышкой я заявился на хату. Девчонки наделали салатов и нарезали колбасу, мальчишки открыли шпроты и выставили спиртное на стол – обстановка была праздничная. Мою неприглядную тару с подозрительным содержимым задвинули пока подальше, за диван, а здоровый местный расстрига (все его называли Хома) осуждающе покачал головой: «Будете должны, Константин». Ну, буду так буду.

Девочки начали праздновать с вина, мальчики с водки – все, кроме меня, отнеслись к событию серьезно, и ковшик с брагой по кругу не ходил, а слышался звон хрусталя. Некоторое время я страдал от собственной непутёвости, но потом развеселился, тем более что некая симпатичная одноклассница по имени Ира стала оказывать мне серьёзные знаки внимания. Она была чем-то похожа на Наташу... и этого описания, пожалуй, будет вполне достаточно. Я поухаживал за ней, сначала вполне невинно, пока мы не сплелись в довольно игривом танце, и тут в голове у меня зашумело, и я решил, что неплохо бы в отсутствии Наташки попрактиковаться. Подоспел Новый год. Все загадали желание, чокнулись, выпили... и столкнулись с дефицитом спиртного. Мне

поднесли кофейную чашку с резко бьющим в нос содержимым и велели испить первым. Я выпил, крикнул, отказался от закуски и ощутил прилив сил и желаний. Тиская Ирку в смежной тёмной комнате, я, помнится, шептал: «Наташка, Наташка...», она слабо отбивалась: «Дурак, пусти, какая я тебя Наташка...», а потом вдруг мы оказались полураздетыми на полу и какое-то время тёрлись друг о друга, пока по невероятной, дикой случайности не кончили одновременно. В отношении себя я это понял по растекающейся в трусах жидкости, что же касается Ирки, то она явственно застонала и выдохнула: «Хорошо...» А мне вдруг стало плохо. Сначала я заблевал комнату, а когда на меня надели штаны и пытались засунуть ноги в ботинки, то и коридор. Домой я попал на плечах Хома и Димона. Как выяснилось позже, во время моей транспортировки Хома обморозил себе ухо, испачкал новые джинсы и, с учётом того, что он ещё и убирал за мной на хате, я оказался должен ему по гроб жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.